

ЭНЦО РУЛЛАНИ

КОГНИТИВНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: déjà vu ?¹

1. Почему мы говорим сегодня о когнитивном капитализме? В нынешнем переизбытке речей об «экономике знания», «экономике, основанной на знании» часто забывается самый важный вопрос: почему именно сегодня ощущается потребность связать производство экономических ценностей с производством знания? Почему эта потребность стала столь ощутимой сегодня, а не, скажем, десять или двадцать лет назад?

В самой связи экономики со знанием нет ничего нового. Эта связь весьма ощутима уже со времени широкого использования машин (т. е. науки и технологии, воплощенных в машинах) в ходе промышленной революции, а затем в тэйлоровской научной организации труда. Вся история промышленного капитализма двух последних веков была историей постепенного распространения навыков предвидения, планирования действий, расчета экономического и социального поведения благодаря знанию. «Двигатель» накопления капитала был доведен до совершенства научным позитивизмом XIX века, воспринявшим наследие Просвещения и вписавшим знание в воспроизводство. Знание было поставлено на службу производству как знание детерминистское, призванное установить контроль над природой с помощью техники и над человеком с помощью иерархии. Результаты в смысле практических преимуществ оказались колоссальными (рост производительности и доходов), но дались ценой утраты освободительной силы разума, который после векового порабощения был, казалось, готов творить, чувствовать, воображать и общаться, отбросив узкие рамки утилитаризма. Сведя же знание к простому средству технического расчета и контроля, модернизация урезала многообразие и неопределенность мира ради его соответствия нуждам производства. Другими словами, модернизация реду-

¹ *Multitude* 2 (2000).

цировала сложность (разнообразие, изменчивость, неопределенность) природной среды, биологического организма, мыслящего духа и социальной культуры к меркам капиталистической фабрики. То есть: радикально. В течение двух последних веков роль знания свелась к наблюдению за миром и к применению природы и человека к производству. Не вполне достигнув своей цели, оно в ходе этого процесса стало неотъемлемой частью промышленного капитализма, наряду с машинами, рынками и экономической рациональностью. В современном капитализме знание превратилось в производственный фактор, столь же необходимый, как труд и капитал. Точнее, в фактор промежуточный. В этом отношении напоминая машину, знание накапливает в себе стоимость труда (и других производственных факторов), необходимых для его производства. Затем знание в свою очередь вступает в производство, управляя машинами, руководя процессами, производя пользу для потребителя. В производственном цикле промышленного капитализма труд порождает знание, а знание в свою очередь порождает стоимость. Поэтому, чтобы прирастать, капиталу нужно (согласно марксистской терминологии) «подчинять» не только «живой труд», но и знание, которое он порождает и которое вбрасывает в цикл. Трудности такого «подчинения», как раз препятствующие простому сведению знания к капиталу, и придают смысл идее когнитивного капитализма. В самом деле:

- 1) Внутри производственного цикла стоимости знание представляет собой весьма строптивного посредника, поскольку превращение знания в стоимость следует своим очень специфичным законам. Эти законы сильно отличаются от тех, которые представляла себе и либеральная, и марксистская мысль в своих теориях стоимости. Поэтому когнитивный капитализм функционирует иначе, чем просто капитализм.
- 2) Их различие легко заметить по тому факту, что знание и его материальный носитель разделены процессами виртуализации, и что знание стало (вос)производимым, подлежащим использованию и обмену в отрыве от капитала и труда, которые его произвели. Невозможно адекватно понять постфордизм, широко использующий виртуализированное знание, без теории когнитивного капитализма.
- 3) Превращение знания в стоимость, особенно когда оно берется в виртуальной форме, порождает целый ряд *mismatchings* (несообразностей) в стоимостном кругообороте. Процесс превращения знания в стоимость ни линейен, ни постоянен во времени. Напротив, он неотделим от нестабильности, разрывов, катастроф, разнообразия исходов. Как раз постфордистская точка зрения и позволяет увидеть в препятствиях к стоимостной метаморфозе знания некоторые «кризисные пространства». Но именно в них, если понять их также и как пространства свободы, могут сложить-

ся новые решения и оригинальные институциональные преобразования. Вот почему представляется оправданным столько говорить о когнитивном капитализме.

2. Знание не есть ресурс редкий по природе, его редкость сугубо искусственна. Будучи посредником, знание не могло бы оказать влияния на теорию стоимости, если бы оно было лишь неким полуфабрикатом, служащим лишь «сохранению» и «передаче» стоимости капитала и труда, его породивших. Но это не так. Ни марксистская, ни либеральная (ныне господствующая) теория стоимости не в состоянии объяснить процесс превращения знания в стоимость. В самом деле:

- у знания, несомненно, есть потребительная стоимость (для пользователей, для общества), но оно не имеет базовой стоимости издержек, которую можно было бы использовать как эталон для определения стоимости меновой. Поэтому оно функционирует либо как издержки маргинальные (неоклассическая теория), либо как издержки на воспроизводство (теория марксистская). Действительно, затраты на производство знания крайне неопределенны (процесс обучения по природе своей не может исключить случайностей и непредвиденностей) и, прежде всего, они принципиально отличны от затрат на его воспроизводство. Как только произведен первый экземпляр, необходимые затраты на воспроизводство других стремятся к нулю (если знание подлежит кодификации). В любом случае, эти затраты не сопоставимы с изначальными;
- потребительная стоимость знания также не может служить точкой отсчета, на которую может опереться стоимость меновая, как это происходит в случае маргинальной полезности в неоклассической теории стоимости. В самом деле, какой бы ни была потребительная ценность чего-либо для потребителя, в режиме свободной конкуренции меновая стоимость товара, издержки на воспроизводство которого ничтожны, стремятся к нулю. Таким образом, меновая стоимость знания целиком зависит от практической возможности ограничить его свободное обращение, т. е. юридическими (патенты, авторские права, лицензии, контракты) или монополистскими способами ограничить возможность копировать, подражать, «перепридумывать», перенимать знания других. Иными словами, стоимость знания не является продуктом естественной редкости, но вытекает исключительно из тех ограничений доступа к знанию, которые устанавливаются институционально или явочным порядком. Конечно, этим ограничениям удастся лишь временно затормозить копирование, переоткрытие и вторичное овладение потенциальными производителями. Но в целом редкость знания проистекает из способности «власти», какого бы ха-

рактера она ни была, временно ограничить его распространение и регламентировать доступ к нему.

3. Экономия скорости. Стоимость когнитивных активов, гарантированная этой формой искусственной редкости, структурно склонна со временем к снижению. Экономические ценности вписаны во время и варьируются в зависимости от него. В этом смысле экономика знания является экономикой скорости: стоимости нельзя хранить вечно, они убывают по мере роста скорости процесса. Чтобы извлечь стоимость из знаний, нужно ускорить их потребление за счет как можно более широкого распространения. В силу этого распространения и параллельно с ним знание приобретает все более социальный характер. По мере исчезновения препятствий к доступу, оно становится общим достоянием потенциальных пользователей и конкурентов. Распространение и социализация — два параллельных процесса. Однако собственник (или обладатель) знания должен удерживать разрыв между ними, ускорять первый и замедлять второй. Стоимость, достоящаяся производителям, зависит в каждый данный момент от того разрыва, который им удастся удержать между скоростью распространения и скоростью социализации. Способность заключать сделки (взаимозаменяемость) между различными звеньями цепи и различными факторами задает — посредством цен на знания, которыми обмен был произведен на «промежуточных» рынках, — распределение доступной стоимости между фирмами, с одной стороны, и между факторами, с другой.

4. Знание придает форму накоплению капитала. Отношение между меновой стоимостью и знанием сильно осложнено тем, что оно подчинено мультиплицирующему эффекту распространения и демумплицирующему — социализации. Когнитивный капитал распространяет на знания стоимостные законы, т. е. логику убывающей во времени прибыли, логику ускорения его распространения, ограничения его социализации, редукции всеми средствами его способности к взаимозаменяемости элементов. К тому же речь идет о процессе, которому всегда в большей или меньшей степени свойственна неопределенность. Не существует оптимальной манеры использовать знания, чтобы извлечь из них максимум выгоды, ибо каждый агент должен открыть сам, на свой страх и риск, пространство различных возможностей распространения, социализации и субституирования-замены во всей цепочке поставок.

В самом деле, накопление знаний и стоимости, ими производимой, есть экспериментальный процесс, зависящий от контекстов и с не известными наперед результатами. Он ничего общего не имеет с гомогенностью денежного капитала, который стремится все предусмотреть и уравнивать доходные ставки различных абстрактных единиц капитала. Когнитивные процессы не приемлют единых ответов. Разнообразие си-

туаций и возможных стратегий вносит структурные и постоянные различия между разными элементами когнитивного капитала, каждый из которых изначально включает в себя различные знания, находит свойственные себе пути стоимостного роста и, в конце концов, достигает отличной от других доходной ставки.

Принципиально ново здесь отсутствие реальной абстракции (сведения работы к рабочему времени), благодаря которому марксистский капитал осуществлял подчинение «живого труда», сводя его к денежному капиталу. Подчиняя знания, когнитивный капитал остается контекстуальным и дифференцированным, хотя он частично и использует абстрактное знание. Таким образом, он вступает в явное противоречие с уравниванием доходных ставок, гомогенизирующим финансовый капитал и придающим ему форму капитала денежного. Это объясняется ситуативной, специфической, частично самоотнесенной природой когнитивного капитала, уравнивать который и управлять которым стремится финансовый капитал. Денежному капиталу по сути удается настоять на своей гомогенности только за счет отделения уровня финансового от уровня производственного, на котором когнитивные капиталы остаются глубоко дифференцированными. Обе «души» капитала, т. е. форма знания (капитал когнитивный) и форма денежная (капитал финансовый) не сливаются, не растворяются одна в другой. Они остаются отличными, что служит основой для целого ряда несоответствий (mismatchings).

5. Типичные несоответствия когнитивного капитализма. В рамках когнитивного капитализма внутренняя логика введения знания в стоимостной оборот явно противодействует агентам (в первую очередь, предприятиям, но и работникам, потребителям и т. п.), которые должны его производить и потреблять. Иными словами, создается несоответствие, некий род mismatching между теми стоимостями, которые участвуют в цикле накопления знаний, и теми, которые участвуют в образовании стоимости. В чем причина этих несоответствий?

- Стоимость, которую можно извлечь из произведенных знаний, не максимизирована, поскольку их распространение остается ниже потенциально возможного;
- Если в силу самого недостаточного распространения, отсутствуют достаточные гарантии отдачи, то новые инвестиции в знание просто не будут производиться вообще или же будут производиться в недостаточных для нужд общества размерах. В первом случае мы имеем нерациональную трату средств, неэффективное использование имеющегося ресурса. Во втором мы получаем недостаточное накопление, как в плане когнитивном, так и в плане стоимости: производительность и произведенный доход растут медленнее, чем в том случае, когда расходы на обучение повышались бы в не-

обходимом ритме. В обоих случаях возможно воздействие, вмешательство: фирма может воздействовать организационными и институциональными инновациями, способными ослабить эффект mismatching; в политическом плане аналогичные инновации могут дать возможность контроля над mismatching, и обеспечить социальные инвестиции.

В функционировании когнитивного капитализма возникают по меньшей мере три основные разновидности несоответствий в зависимости от возможных противоречий, а именно:

(1) между распространением и усвоением. Знание порождает собственную ценность, если его распространяют, но распространение снижает степень его усвояемости; (2) между временем жизни и временем производства. Время жизни тратится на сложную учебу, требующую медленного темпа. Время же производства, напротив, задается скоростью упрощенного обучения, что порождает отчуждающий мир вещей и типов поведения, странный по отношению к 'жизненному миру'; (3) между риском и когнитивными инвестициями. Индивиды, фирмы и целые регионы не застрахованы от ошибок, когда они пытаются сориентироваться в сложных ситуациях, в которых сохранение стоимости их собственного ресурса не гарантируется. Преследуя цель минимизировать риск, они сокращают инвестиции в новые знания и таким образом сталкивают сами себя на обочину процесса социального обучения и производства стоимости.

6. набросок возможных капитализмов. Различные решения этих трех проблем неизбежно дадут различные возможные варианты когнитивного капитализма. Конкретная расстановка сил и их борьба могут приводить и к смене парадигм, к переходу от одной связной системы управления когнитивными потоками к другой, от одного типа когнитивного капитализма к другому.

Перевод Михаила Маяцкого